

спешны и что я имею полную возможность подождать выздоровления Александры Львовны.

Лев Николаевич успокоился, и инцидент был исчерпан.

Те случаи, когда Лев Николаевич сердился, вообще были крайне редкими исключениями.

Но один раз я видел его не только рассерженным, а прямо разгневанным.

Мы ехали с ним верхами по Тульскому шоссе. Лев Николаевич совершил обычную свою прогулку после завтрака.

Отстав на довольно значительное расстояние от Льва Николаевича, я видел, как впереди к нему подъехал неизвестный мужчина, тоже верхом, и передал пакет.

Оказалось, что это нарочный с телеграммой из Тулы. Лев Николаевич разорвал конверт и стал читать телеграмму...

Вдруг вижу, он повертывается ко мне и, размахивая телеграммой, гневно восклицает:

— Негодяй какой-то!

Я никогда не слыхал таких слов из уст Льва Николаевича.

Подъезжаю и беру у него из рук телеграмму: некто Григорьев в высокопарных выражениях, угрожая даже, помнится, Льву Николаевичу самоубийством, просит его об оказании немедленной материальной помощи.

Передав мне телеграмму, Лев Николаевич нервно дергает за поводья, поворачивает лошадь и отправляется дальше по дороге, а я разъясняю нарочному, что ему придется дойти до Ясной Поляны, чтобы получить деньги за доставку телеграммы...